

ВЕСЁЛЫЕ
ИСТОРИИ



Юз Алешковский



ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕРЁЖИ ЦАРАПКИНА



«МАСТЫЦА»

Юз Алешковский
Приключения
Серёжи Царапкина
Серия «Весёлые истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44484574

*Приключения Серёжи Царапкина : [повесть, рассказы] / Юз
Алешковский; рис. Н. Беланова: АСТ; Москва; 2019*

ISBN 978-5-17-115307-6

Аннотация

Юз Алешковский (родился 21 сентября 1929 г.) – поэт, прозаик и публицист, лауреат Немецкой Пушкинской премии. В ранние годы писатель создал произведения для детей, ставшие классикой приключенческой детской прозы: «Кыш, Двапортфеля и целая неделя», «Кыш и я в Крыму». В эту книгу вошли не менее знаменитая повесть «Чёрно-бурая лиса», а также рассказы «Белая мышь», «Научное открытие» и «Два билета на электричку». Книга издаётся к 90-летию автора.

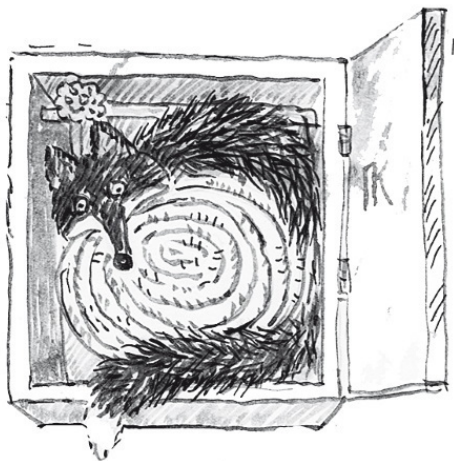
Для среднего школьного возраста.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Чёрно-бурая лиса | 9 |
| 1 | 11 |
| 2 | 14 |
| 3 | 16 |
| 4 | 19 |
| 5 | 24 |
| 6 | 27 |
| 7 | 29 |
| 8 | 31 |
| 9 | 35 |
| 10 | 36 |
| 11 | 39 |
| 12 | 44 |
| 13 | 46 |
| 14 | 49 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 53 |



Юз Алешковский
Приключения
Серёжи Царапкина



Рисунки Николая Беланова



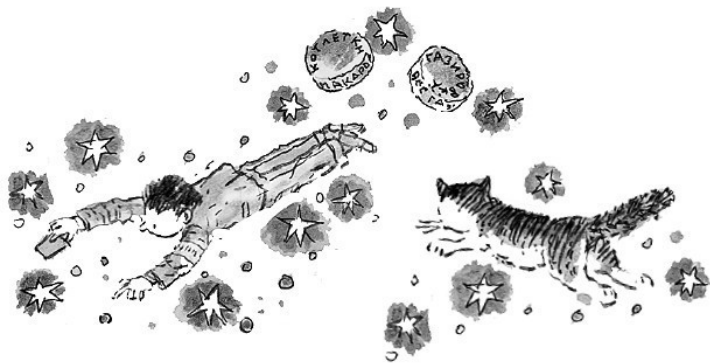


Чёрно-бурая лиса



Я уверен, что всем людям, которые уже стали взрослыми, иногда очень хочется хоть ненадолго вернуться в страну своего детства – в шумный школьный коридор, или в зелёный московский дворик, или в полный всяких чудес Дворец пионеров. Вернуться – и снова встретить своих друзей. Но учёные пока ещё не изготовили машину времени. Тогда я взял и решил: напишу книгу про Вовку Рыжикова, Петьку Козло-

ва, Серёжу Царапкина и их товарищей. Я сам выдумал все имена. Но одно совершенно точно: эти ребята очень похожи на моих друзей. Они верны дружбе, непримиримы к нечестности и несправедливости, а если им не всегда везёт, если они иногда ошибаются, то уж с этим ничего не поделаешь – на ошибках мы учимся. И мне бы хотелось, чтобы ребята из моей книжки стали вашими друзьями и чтобы на-ша общая дружба помогла вам быть всегда справедливыми, искренними и готовыми совершать добро.



Автор



Я сидел на лавочке в скверике перед нашим домом и проветривал голову после целого дня повторения правил грамматики.

Осенью меня ожидала переэкзаменовка по русскому. Как сказал директор школы, я находился один на один с реальной угрозой остаться на второй год в пятом классе.

В третьей и в последней четверти у меня были двойки по русскому. В диктантах я ухитрился делать такие ошибки, что учителя обсуждали их на педсовете. А Анна Павловна, преподававшая у нас русский язык, стала сомневаться в моей нормальности. Сам-то я только под конец года понял, что никакой я не ненормальный. Просто я увлёкся схемами транзисторных приёмников и не учил, а зубрил правила и почти не читал книжки, но исправлять положение под конец года было уже поздно. На контрольном диктанте я привёл в ужас инспектора районо, который стоял у меня за спиной. Из-за него я ничего не мог списать у соседа по парте Антипкина.

На последних переменках некоторые ребята с жалостью, а некоторые свысока поглядывали на меня, как будто я уже сидел второй год в пятом, а они учились в шестом.

Но когда закончились занятия, я поклялся себе: «Дудки! Один месяц буду безвылазно учить правила и читать книги, другой – писать диктанты, а третий – купаться в озере. Ни за что не останусь в пятом!..»

Уныло, конечно, было сидеть в скверике, когда все занимаются чем хотят. В голове моей мелькали приставки, суффиксы и падежные окончания.

Я спичкой написал на песчаной дорожке слова: «Загорел. Прекрасный. Невмоготу».

Я всё время так тренировался.

В правильном написании первых двух слов я был уверен, а вот над «невмоготу» задумался. Я это слово стёр и написал

его отдельно: «не в моготу», потому что решил: «не» с предлогом «в» вместе не пишется.

– Серёжка! – вдруг окликнули меня. – К тебе Анна Павловна пошла.

«Этого ещё не хватало!» – поморщился я и побежал домой.

2

В подъезде я столкнулся с Гариком. Он тоже сообщил:

– Там Анна Павловна!

Я вызвал лифт. Гарик зачем-то зашёл со мной в кабину. Мне не хотелось с ним разговаривать, потому что он отказывался диктовать мне диктанты. И вообще я его недолюбливал: в нём всегда было что-то лживое и недоброе. Я нажал кнопку, а Гарик, когда лифт был между вторым и третьим этажом, нажал на «стоп».

– Нас никто не услышит... – быстро сказал он. – Я знаешь что придумал? Клубника уже поспела. Сам видел... Давай ночью слазим в сад...

– А дальше что? – спросил я.

– Её хотят везти на выставку.

– Ну и пусть везут.

– Так мы же копали, пололи... Надо хоть попробовать...

Доказывать что-либо Гарику мне было противно и некогда: не терпелось услышать разговор Анны Павловны с мамой.

– Полезем! – уговаривал Гарик. – Даже интересно. Ночь, а мы ползём... А?

– Не пойду. Отпусти кнопку! – прикрикнул я.

– Скажи – струсил. Мямля! – обвинил Гарик.

Внизу кто-то забарабанил по железной сетке. Я оттолкнул

Гарика и нажал кнопку.

– Струсил? Струсил? – не отставал Гарик.

Мне очень хотелось сказать всё, что я о нём думаю, но лифт остановился, я вышел на площадку, тихо прикрыл дверь и пригрозил Гарику:

– Я тебе ещё покажу!.. Я тебе струшу! Только попробуй залезть в сад!

– Иди! Иди! Пожалуйся! Предатель!.. – злобно зашипел Гарик.

– Я не предатель! – не задумываясь, сказал я, хотел войти в лифт, чтобы выяснить, кто из нас предатель, но тут снова забарабанили по железной сетке, и Гарик поехал вниз.

Я уже хотел было открыть дверь, но услышал, что мама и Анна Павловна разговаривают в передней. Я замер у двери. Мама всхлипнула:

– В кого он? Я за диктанты получала в школе только четвёрки и пятёрки. Муж до седьмого класса был отличником. Мы вместе учились. Так в кого же он? В кого?

– Да-а... делать в одной фразе из пяти возможных ошибок восемь – рекорд.

– Прямо пещерный житель... – мама снова всхлипнула.

– Только не нужно отчаиваться. Я уверена, что Серёжа настроен серьёзно. Ему необходимо помочь до начала консультаций в школе.

– Как помочь? Я пробовала ему диктовать и испортила все нервы. Вместо «вперёд» он пишет «впирёт»; вместо «камень» – «каминь»... Это безнадежно. Только в дворники ему дорога!..

Я разозлился и открыл ключом дверь.

– Вот! Взгляните на него! – сразу набросилась на меня мама. – Ты понимаешь, что, если не будешь всё лето писать диктанты, тебе откроют зелёную улицу в дворники? Ты понимаешь это или нет? Не ковыряй в носу, когда с тобой разговаривают взрослые!

Я молчал, теребя носком ботинка дорожку.

– Серёжа, – сказала Анна Павловна, – ты обещал взять себя в руки и каждый день писать диктанты. Но мама жалуется, что дело стоит на месте.

– Как же ему не стоять, – пробурчал я, – если никто не хочет диктовать, а она... только хлопает меня учебником по голове после каждой ошибки!

– Как же тебя не хлопать? – возмутилась мама. – Поверьте, он исключительно назло мне написал вчера «жоравли» вместо «журавли». И ещё заявил: «От слова «Жора».

– Ну, знаете... – Анна Павловна развела руками. – В общем, Серёжа, если ты не подучишь правила и не переборешь рассеянности...

– ...то останешься на второй год, – подсказал я.

– Я этого не переживу! – решительно заявила мама.

– Тогда я вам советую взять репетитора хотя бы на месяц.

– Позор! Как последнему тупице! Дожил!.. – сказала мама.

– Итак, Серёжа, забудь про лето. Никаких турпоходов, лагерей, футболов и плавания с утра до вечера. Пиши диктанты, больше читай и развивай зрительную память. Как пишется «зрительную»? – спросила Анна Павловна.

– «Тельную», – сказал я, немного подумав.

– Молодец! Я всегда утверждала, что врождённой безграмотности не бывает.

– Бывает, бывает... – грустно прошептала мама.

– В общем, до свиданья. В августе я с тобой позанимаюсь.

Главное, помни: ты сам кузнец своего счастья... Простите, я очень спешу.

– Угу... Буду ковать железо, пока горячо.

– Видите! Он шутит, – сказала мама.

– Я больше не буду, – пообещал я на всякий случай.

– Всего хорошего. Спасибо, что зашли.

Мама вытерла слёзы и открыла дверь.

Анна Павловна ушла.

Я поплёлся в комнату, уверенный, что нет на свете человека несчастнее, чем я.

4

Мой отец задержался на собрании. Когда он пришёл, мама сообщила:

– Была Анна Павловна. Она советует взять репетитора.

– Репетитора мы брать не будем, – сказал отец, повесив пиджак на стул.

– Как не будем? – удивилась мама. – Ты шутишь? Ведь ребёнок на краю пропасти!

Отец посмотрел на меня и засмеялся.

– Ах, значит, тебе денег жалко? Значит, ты предпочитаешь, чтобы этот шалопай лишний год учился в пятом классе и рос тунеядцем?

– Не захочет учиться – будет работать.

– Дворником? – спросила мама.

– Да. Дворником, – спокойно подтвердил отец.

– Посмотрим, до чего доведёт всех нас твоё олимпийское спокойствие.

Мама ушла на кухню. Она всегда так делала, когда чувствовала, что спорить с отцом бесполезно. А однажды я услышал, как он сказал маме:

«Мы же договорились, что если у нас будет сын, то я играю в воспитании первую скрипку. Мужчину воспитывать труднее...»

– Пап! А почему у тебя олимпийское спокойствие? – спро-

сил я.

– Ты как следует занимаешься? Вытянешь русский? – переспросил он.

– С правилами всё в порядке. Только диктатора нужно найти.

– Диктующего, – поправил отец. – И учти: я верю, что ты вытянешь. Если подведёшь, мы перестанем быть товарищами. Думаешь, я не знаю, почему ты завалил язык?

Это была правда. Отец никогда не ругал меня и сохранял олимпийское спокойствие, как Зевс. Но уж лучше бы он ругал меня, как мама, а не грозил порвать товарищество и не обижался, по неделям со мной не разговаривая.

– Ну, а что, если я и вправду родился безграмотным? – спросил я.

– Не хитри! – сказал отец. – Профессор Бархударов тоже родился безграмотным, а стал автором учебника. А мама, думаешь, ещё в пелёнках писала на пятёрки диктанты?

– А почему тогда, – я это читал в журнале, – когда Вольтер делал ошибки и ему сказали про это, он ответил: «Тем хуже для орфографии»?

– Пока ты не Вольтер, а Царапкин, ты должен писать без ошибок. Понял?

– Понял... А когда вы вместе учились, мама была ябедой?

– Была одно время, – нарочно громко сказал отец и подмигнул мне.

– Ну?! Как она ябедничала? – спросил я.

– Я одно время любил есть бублики на уроках...

– Она выдала?

– Написала заметку в стенгазету... Лида! Как насчёт чая с бубликами?

Мама принесла из кухни чайник.

– Если бы я тогда не была, как вы говорите, ябедой, – сказала она, – твоего отца исключили бы из школы за плохое поведение.

– На меня Маринка тоже написала заметку. Ни за что не женился бы на ней! – заявил я.

Отец засмеялся.

– Ты думай не о женитьбе, а о диктантах. А ты, отец, запрети ему водиться с твоим подопечным, Пашкой, пока он не затянул его в какую-нибудь историю, – сказала мама. – Твоя доверчивость – это уже не доверчивость, а беспечность!

– Что тебе сделал Пашка? – я вскочил со стула.

– Под его диктовку ты можешь натворить всё, что угодно... И как ты разговариваешь с мамой?

– Лида, – сказал мой отец, намазывая вареньем бублик, – представь Серёжу на месте Пашки. Он начал новую жизнь. С удовольствием, вот как я сейчас пью чай, работает, а на него косятся, показывают пальцами мамы и пугают своих детей! Приятно?

– Во-первых, я не могла бы быть матерью такого сына. Во-вторых, от таких, как Пашка, нужно держаться подальше. В-третьих, ты можешь заниматься им в своей бригаде, а ты,

Серёжа... Я запрю в шкаф всё, вплоть до трусиков, если хоть раз увижу тебя вместе с Пашкой! – пообещала мне мама. – Лучше бы ты дружил с Гариком.

Хотелось мне сказать маме, что всё наоборот. Что Пашка не наталкивает меня на плохие поступки, а расспрашивает про историю, географию и естествознание, чтобы подготовиться к школе рабочей молодёжи. Хотелось мне открыть, кто такой Гарик и на какие подлости он способен. Но мама была так настроена против Пашки, что всё равно не поверила бы ни одному моему слову.

Я не стал пить чай, обиженно вышел из-за стола, разобрал свою постель и улёгся с «Судьбой барабанщика». Я читал эту прекрасную книжку и не прислушивался к спору отца с мамой, но у меня слипались глаза, я спрятал книжку под подушку, завернулся с головой и услышал конец их спора.

– Моя установка – не верить ни одному его слову. Тогда у него не будет возможности меня обмануть. Так приучают к правде, – сказала мама.

– А я предпочитаю доверять, – упрямо заявил мой отец. – Ведь ты химик и пойми: доверие, так сказать, нейтрализует ложь!

– Наоборот! – воскликнула мама. – Катализирует! Поощряет. Сначала надо приучить его к правде. А если безответственно доверять, то он будет безнаказанно лгать.

«Нет, мама. Если бы ты знала, как прав отец и как обидно, когда мне не верят, если я говорю правду...», – подумал я и

решил посмотреть утром в словаре, что такое «катализирует», и полетел, полетел в мягкую темень, не успев додуматься, почему это сразу засыпаю, несмотря на невесёлые мысли о диктантах. А мама часто говорит: «Даже ночью думаю о твоих делах, не могу уснуть и просыпаюсь разбитая...»

Я уснул, и мне приснился самый страшный из всех просмотренных мною в жизни снов.

Мне приснилась огромная поляна на опушке папоротникового леса, который потом превратился в каменный уголь...

Наш класс сидит за партами, сделанными из необтёсаных валунов. Я с трудом узнаю своих одноклассников. Мальчишки похожи на первобытных людей, как в книжке «Борьба за огонь»¹, – мохнатые и неподстриженные, а девчонки наоборот: все с косичками, бантиками и в формах.

Вдруг появляется директор нашей школы Лев Иванович, подстриженный и выбритый, как всегда, в белой рубашке с чёрным галстуком, но вместо брюк на нём пальмовая юбка, в которых ходят папуасы.

В папоротниковой чаще бродят ихтиозавры и другие ящеры. Я прицеливаюсь в самого крупного из рогатки, и Лев Иванович сразу делает мне замечание:

«Царапки!»

«А что я сделал?» – говорю я по привычке.

«Отдай рогатку дежурному. Начинаем контрольный диктант».

«Я больше не буду», – заверяю я Льва Ивановича.

«Хорошо. – Лев Иванович начинает диктовать: – Осе-

¹ Роман писателя Жозефина Рони о доисторическом прошлом человечества (прим. ред).

тин-извозчик лениво погонял лошадей».

Я острым камешком царапаю на каменной доске буквы и мучительно стараюсь не сделать ошибок, потому что их очень трудно исправлять.

Одну фразу мы нацарапываем весь урок, и я устало высказываюсь:

«Скорей бы гении изобрели чернила!»

«Царапкин! Как тебе не стыдно! Ты писал грамотнее, когда был ещё обезьяной! Ты написал «аситин» и поставил тире между «извоз» и «чиком»! Ты останешься в каменном веке на второй год и не перейдёшь в царство Урарту! Ни в коем случае... Кто знает, как Царапкин до этого докатился?» – спрашивает Лев Иванович.

«Он всю третью четверть добывал под партой огонь!» – выдаёт меня Маринка.

Я тут же обещаю:

«Я больше не буду!»

«А-а, добывал огонь? На уроках? Так вот, – решает Лев Иванович, – ты останешься без перемены и будешь писать слово «невмоготу», пока не напишешь правильно. А все пойдут охотиться».

Лев Иванович вручает мне каменную записку со сложно-подчинённым предложением: «Прошу вас, которые его родители, прийти в школу» – и бьёт в тамтам.

Весь наш класс со страшным шумом срывается с мест и, занеся над головами копья, несётся по поляне к огромному

мамонту. На боку у мамонта мелом написано: «БУФЕТ». Лев Иванович указкой руководит охотой.

У меня текут слюнки, я стараюсь разгадать, как пишется «невмоготу». Руки дрожат, острый камешек крошится... Ребята уже осыпали мамонта копьями... Я царапаю на камне «не в моготу», и мне так страшно остаться на второй год в каменном веке, что я вдруг замечаю ошибку, хочу её исправить, собираю все силы. Ведь нужно только соединить чёрточками «не» с «в» и с «моготу», только соединить, но руки у меня, как назло, не двигаются, тяжёлые, свинцовые, и я с ужасом кричу Льву Ивановичу:

«"Невмоготу" пишется вместе! Чур! Вместе!..»

Я проснулся и обрадовался, что это происходило во сне. Мама поправила на мне одеяло и поцеловала в лоб.

– Спи, спи... Правильно: «невмоготу» пишется вместе. – Она вздохнула: – Если бы ты наяву был таким же грамотным, как во сне...

Я снова уснул, и мне больше ничего до утра не приснилось.

Перед уходом на работу мама, как всегда, сдёрнула с меня одеяло. Я хотел сразу встать, повыжимать гантели и взяться за правила, но солнце пригревало так, как будто стёкла наших окон были увеличительными. Вставать уже не хотелось... И вот замелькали передо мной отрывки из древне-исторического сна.

Я бы проспал ещё часа два, если бы меня не разбудил страшный свист. Я вмиг спрыгнул с кровати, открыл окно и выглянул во двор. «Победа» жильца из пятнадцатой квартиры, всегда стоявшая под моим окном, с затихающим шипом оседала на одну сторону. От неё с хорошо надутым футбольным мячом в руках бежал за угол Витька. Я сразу догадался, в чём дело: Витька, конечно же, вывернул золотник из ниппеля, подсоединил к нему сосок мяча и надул его воздухом из шины. Витька вечно что-нибудь изобретал.

Я уселся поудобней на подоконник, предчувствуя очередной скандал. Пенсионеры и домашние хозяйки, позёвывая, вышли на балконы. Дошкольники Вовка и Вика бегали вокруг «Победы» с недоеденными бутербродами. Наконец с портфелем под мышкой появился её владелец. Заметив спущенную шину, он взглянул на часы и схватился за голову. При этом его портфель упал на тротуар.

– Ты? – спросил он, схватив за ухо Вовку.

– Ой! Я завтракал, а она сама зашипела! – заявил Вовка.
Из подъезда тут же выбежала его мама.

– Это ваш ребёнок или мой? Это ваше ухо или ребёнка? – стала выяснять она.

– Но я же опаздываю... – оправдывался владелец. – И это не в первый раз...

С балконов и из окон вмешались в спор жильцы. Они требовали приструнить «болтающихся без дела школьников». Дом загудел. Владелец поднял портфель и посмотрел на меня:

– Ты видел?

– Нет. А если и видел, то не скажу. Я не ябеда! – сказал я громко и гордо.

Вовкина мама взяла Вовку за ухо и повела домой. Вид у неё был такой, как будто она имеет на это полное право.

Владелец взглянул на часы, вздохнул, плюнул на шину и пешком пошёл на работу.

Я всё сидел на солнышке, зажмурив глаза и обхватив руками колени, и слышал щёлканье верёвки и шуршанье плоских камешков по асфальту: это девчонки прыгали и играли в «классики»; слышал, как пенсионеры высыпали на стол из пакетика фишки домино и забивали своего ежедневного «козла»; слышал, как зазвенели подшипники по асфальту: это продавщица Нюра привезла на тележке молоко в красно-синих пакетиках.

Хорошо было вот так, не думая ни о чём, зажмурив глаза, представлять наш двор!

А солнце пекло по-настоящему первый раз за это лето. Только не было слышно ни крика, ни смеха мальчишек. Все они ушли на озеро. Утром там мало народу... Вода зеленоватая и прохладная, а мелкая галька холодна после ночи. Ребята плавают и лежат на спинке, и, замёрзнув в воде до дрожи, гоняют по берегу в футбол, и снова... бултых в воду!

Кто-нибудь из моих одноклассников спрашивает у ребят: «А где Серёжка?»

И они равнодушно отвечают:

«Зубрит правила!»

Тут у меня тоскливо заныло сердце. Я открыл глаза. Под моим окном стояла продавщица Нюра и с ужасом смотрела на меня.

– Захотел в больнице проснуться? Куда глядишь?

– Зрительную память развиваю. Учительница велела, – сказал я и спрыгнул с подоконника.

Правда, я почти целый месяц развивал зрительную память. Это было даже интересно: читать хорошие книжки, а потом представлять в уме трудные слова, писать их и радоваться, что неожиданно правильно написал. Я раньше никогда так не делал...

Мне захотелось есть, а котлеты и каша совсем остыли. Рядом со сковородой лежала мамина записка:

НИ НА МИНУТУ НЕ ЗАБЫВАЙ
ОБ УГРОЖАЮЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ.

Я съел холодные котлеты с зелёным луком и повторил про себя правила про слова «в продолжение» и «в продолжении», «в течение» и в «в течении» и из-за этого течения снова вспомнил про озеро...

Дворник Хабибулин поливал двор. Воробьи копошились в лужах и разбрасывали крылышками воду так, что маленькие радуги висели над лужами. А рядом с Хабибулиным раскинулась большая радуга. И мне так захотелось на озеро, что по спине пробежали мурашки и заломило зубы.

Я взглянул на мамину записку об угрожающем положении, снял майку и босиком выбежал во двор.

После холодных ступенек лестницы приятно было пошлёпать по мокрому тёплому асфальту.

Я присел на краешек тротуара и стал завидовать всем: и девчонкам, игравшим в «классики», и забивающим «козла», и Петру Ильичу, разгадывающему очередной кроссворд, и малышам, спавшим в колясках, и даже воробьям! Кому из них надо было писать диктанты? Никому! А кто мне будет диктовать? Никто!

– О-о-у! – неожиданно застонал я, схватившись за голову.

Хабибулин обернулся вместе со шлангом, горошинки воды заколотили меня по лицу, по груди, и я ахнул от внезапного холода.

– Ещё? – засмеялся дворник.

И, не успев отдышаться как следует, я кивнул, съёжился в комочек, уткнул подбородок в колени, и меня окатило с головы до ног.

Я вскочил с тротуара, завертелся на одном месте, а Хабибулин смеялся и поливал меня из шланга крепкой, холодной струёй. Я не выдержал и отбежал в сторону.

– Ну как? – спросил Хабибулин.

– Здорово, как в озере!

Мне уже расхотелось идти купаться. А под ложечкой снова зануло из-за диктанта. Я спросил:

– Ахмет! А почему вы стали дворником?

Он удивился:

– Куда мне ещё?

– Как куда? Инженером бы стали... или шофёром... или врачом... или, как Шилкин, по женским причёскам...

– Я от рожденья до сих пор малограмотный, – весело сказал Хабибулин.

– Чего ж вы не учились? Не хотели?

– В наше время работать надо было. Себя кормить. Меньших братьев кормить. А ты: «Хотел... не хотел...» Тебя вот кормят, одевают, каникулы дают...

– А при царе были школы рабочей молодёжи? – спросил я.

– Дурак, – сказал Хабибулин.

– Лучше работать, чем писать диктанты... – подумал я вслух.

– Не знаю... не знаю...

– Эх! Счастливый вы человек! – позавидовал я.

– Угу, – подтвердил Хабибулин.

Вода с меня стекала, как с пуделя из второго подъезда. Его тоже выкупал Хабибулин. Я прошёлся по двору, решив попросить кого-нибудь мне поддиктовать.

На доске ЖЭКа висело объявление:

ТОВ. РОДИТЕЛИ

млашево и среднива возраста

завтра састаица важна собрания.

Я засмеялся и крикнул Хабибулину:

– Это ты писал?

– Я! – гордо ответил наш дворник.

Я достал из мокрого кармана карандаш и, вымазав руки, потому что он был химическим, исправил в объявлении ошибки. Вместо «сас» я написал «SOS-тоится». Пусть все думают, что техник-смотритель забил тревогу. Многие жильцы с самого начала каникул жаловались ему на мальчишек из нашего дома. Правда, во дворе каждый день кто-нибудь что-нибудь вытворял. Но на меня последнее время жалоб не было: я занимался. Соседи по подъезду даже спрашивали маму: «Не заболел ли Серёжа?». А довольная мама говорила мне:

– Вот видишь, когда ты занят делом, я спокойна.

Я подошёл к забивавшим «козла». Двое из них ссорились. Один показывал, что «рыба» была необходима, а другой говорил:

– Вам, милый, надо дома под кроватью тренироваться. Это не «рыба», а преступление.

Он налил в колпачок термоса капли Зеленина и выпил. Во время споров ему становилось плохо.

– Не корову проигрываете... – успокаивали его остальные.

Никто из них, конечно, не бросил бы «козла» из-за моего диктанта.

Тогда я направился к Чурикову из нашего класса. Он вошёл у подъезда с гоночным велосипедом.

– Слушай, подиктуй мне с полчасика, а? – попросил я.

– Ну вот ещё! За полчаса я километров десять проеду. Тренироваться надо, – отмахнулся Чуриков, натягивая цепь.

– Хороши вы все! – сказал я.

– Ладно упрекать. Сам виноват. Тебе говорили? Говорили! А хочешь, поедем со мной? Бери у отца велосипед. Выедем за город! Будем печь картошку! На привалах подиктую.

Я быстро отошёл от него, чтобы не соблазниться.

Недалеко от скверика, под развешанными на верёвке шубами и пальто, сидела домработница Ксюша. Наверно, она устала выбивать пыль и читала книжку.

– Тётя Ксюша! – сказал я вежливо. – Всё равно вам нечего делать. Подиктуйте мне пару страничек из книжки! Я сбегая за тетрадкой. А потом я вам все вещи выбью: я люблю пыль выбивать. Подиктуете?

Ксюша подозрительно посмотрела сначала на меня, потом на шубы и пальто и так же подозрительно спросила:

– Это зачем же диктовать?

– У меня угрожающее положение... – Я старался говорить как можно вежливей.

– У меня тоже. Только и гляди в оба, чтобы ваш брат чего-нибудь не украл.

– К сожалению, у меня нет брата, – не выдержал я.

– Ну и не мешай стеречь! – проворчала Ксюша.

В этот момент я услышал свист. Как всегда, быстро обернулся, но никого не увидел. Тогда кто-то снова засвистел. Я пошёл к нашему дому. Свист стал громче. Только он доносился не с балкона, а откуда-то снизу.

«Наверно, из котельной...» – подумал я. И правда, когда я подошёл поближе, свист прекратился, а из подвального окна высунулся Гарик и знаками велел мне лезть через окно в котельную.

Я походил, как будто от нечего делать, около окна. За мной никто не следил. Потом спустился в нишу и с подоконника спрыгнул на кучу шлака.

В котельной было темно и холодно и пахло кислинкой, как около паровоза. Гарик схватил меня за руку и потащил за котлы. Я шёл за ним, как слепой. Наконец, отпустив мою руку, он сказал:

– Смотри!..

Я ещё не привык к темноте и ничего не увидел. Но в котельной вдруг почему-то запахло ананасами. Я принялся и слотнул слюнки.

– Виктория!.. Самый вкусный сорт!.. Смотри! – прошептал Гарик.

Я пригляделся получше и увидел белую плетёную корзинку, висевшую на большом винте. Это от неё пахло ананасами.

– Ешь... Я не такой... Сам слазил и тебе принёс... Страшно было... Самый вкусный сорт...

Я машинально взял из корзины пару прохладных, немного шершавых клубничин и представил, как Маринка прибегает в сад, видит обобранные кусты и истоптанные грядки. Она садится на корточки и плачет... Ведь на днях первый сбор клубники лучшего сорта «Виктория» мы должны были представить на выставку... Маринка больше всех возилась в саду и специально четыре дня туда не заглядывала. «Так интересней, – говорила она, – маленькие и зелёные ягоды вдруг становятся большими и красными...» А тут свой же... Я даже не сразу поверил, что Гарик всё-таки оборвал общую клубнику.

– Ешь! Чего ты?

Гарик дышал мне в лицо. От него пахло клубникой.

Я изо всех сил оттолкнул его. Он охнул, упал, но кричать побоялся.

– Под дых, значит?.. Под дых, значит?.. – Гарик поднялся с кучи шлака. – Чистюлей притворяешься?

Я снял корзинку с винта, прижал Гарика в угол и пригоршнями стал запихивать ему в рот клубнику. Он так перепугался, что, вытаращив глаза, глотал её почти неразжёванную.

– Наелся?.. Гадина ты земноводная! – Я бросил корзину. – Учти: если сам не расскажешь, хуже будет.

– Что? Ты доложишь? – пришёл в себя Гарик. – Тоже от-

ветишь!.. Я бы, может, не пошёл...

– Ах, ты! Значит, я ещё виноват?

Я налетел на Гарика, мы схватились и упали. Он, изловчившись, укусил меня за ухо. Я от боли вскрикнул, выпустил его, он отскочил в сторону и примирительно, очень быстро и шёпотом, заговорил:

– Ну чего ты шум поднял? Что я такого наделал? Там же ещё осталось... И всем, наверно, обидно: возились, возились, а её – тю... и на выставку! Я свою долю съел... И не побоюсь никого!

Я кусал губы от злости на него и ещё больше на себя. Ну почему? Почему я не предупредил этого?..

Гарик, конечно, почувствовал, что я растерялся, и совсем уже примирительно хихикнул.

– Ладно мучиться-то... Мы же работали? Работали! И нам, как колхозникам, по трудодням положено...

Я стал забираться на подоконник: двери котельной летом были закрыты. Гарик противно поддразнивал:

– Иди, иди! Спредательничай.

– Я не предатель! А ты – гад! – огрызнулся я, вылез из окна в нишу, подтянулся на руках и снова очутился на дворе. Чувствовал я себя так, как будто это я совершил подлую кражу.

С минуту я попрыгал по клеточкам «классиков», сделав вид, что играю в эту девчачью игру с самого утра.

– Вот он! Вот он! Ах, ты!

Я обернулся, на меня налетела Ксюша и схватила за волосы:

– Отдавай!.. Говори, кто взял! Не выпущу!.. Я её, – Ксюша расплакалась, – двадцатый год ношу!

Я вырвался. Ксюша наскакивала на меня, а я отскакивал, пытаясь сообразить: в чём же дело?

Старики, забивавшие «козла», подбежали к нам с фишками в руках:

– Тихо! Тихо! Весь дом переполошите!

– Говори толком!

– Я её двадцатый год ношу! – плакала Ксюша, прислонясь к стене.

Мне её стало жалко, хотя я всё ещё ничего не понимал.

– Что двадцатый год? Кого вы носите?

– Хитрец проклятый! Чернобурку мою ношу. Вот что! А он подошёл давеча... «Подиктуй диктант», – говорит... Минут через пять смотрю, а лисы как не бывало. Я ж к ней, как к живой, привыкла. – Ксюша совсем разрыдалась. – Отвлекал нарочно!..

– Ну-ка, подойди! – сказал старик Мешков.

Я подошёл.

– Отдай лису!

– А вы докажите! – вызывающе заявил я.

– Какая наглость!

– Ты же подходил к ней. Мы сами видели! – возмутились

старики.

– Отвлекал он меня... Точно отвлекал... – Ксюша вы-
сморкалась.

– Нет! Нет! – закричал я. – Я правда подиктовать просил.
Честно – просил! Вы что? Я не вор!..

Тут я заметил, что из ниши вылез Гарик и, встав в стороне,
ехидно наблюдает за происходящим.

– Дать ему как следует! Всё расскажет! – посоветовал кто-
то с балкона.

Старики окружили меня. Я, заикаясь, сказал:

– Ребята!.. То есть... товарищи! Честное слово! Я... зачем
мне лиса? Чёрно-бурая... и даже мёртвая?.. Что вы!

Один из них стал расстёгивать ремень, а старик Мешков
возразил:

– Так не годится! Это будет необоснованная репрессия. Я
такой подвергался в иные времена. Нужно разобраться.

Тогда старики подошли к Ксюше и стали её успокаивать:

– Не плачь. Лиса – не иголка.

– Вызовем участкового.

– В Голландии из музея украли картину Рубенса, и то на-
шли...

– А в Англии почтовый вагон с миллионами увезли...

– В Америке у певца сынишку угнали... Нашли же! А чёрно-бурую и подавно найдут!

Старики лучше всех во дворе знали, что творится на белом свете. Ксюша с интересом слушала и только охала.

Вокруг неё уже собралась толпа. Старики снова застучали фишками.

Я отошёл к подъезду, готовый в любую минуту смыться домой. Ко мне подошёл Гарик.

– Значит, лису можно, а клубнику нельзя? – сказал он. – И помалкивай!

Мне стало окончательно ясно, что это за человек, и я презрительно отвернулся от него.

А Ксюша уже немного успокоилась. Она с выражением рассказывала жильцам, как хитро я её отвлек, а в этот момент «свистнули» лису, и что сделал это наверняка «тюремщик» Пашка, потому что он «как раз проходил мимо».

– Он на обед шёл! Не наговаривайте! – крикнул я.

– Видали? Выгораживает! Зря таких выпускают! Лиса небось денег стоит! – Ксюша погрозила кулаком в сторону Пашкиного балкона.

У меня сердце заныло из-за Пашки. Он изо всех сил старался работать в бригаде моего отца, чтобы забылась его прошлая жизнь вора-карманника.

Я хотел пойти предупредить его и сказать, чтобы не обращал внимания, но было уже поздно: Пашка сам вышел из

подъезда и на него, как на меня раньше, сразу все набросились:

– Ты слово давал!..

– Мы подписи собирали! Вызволили тебя!..

– Опять за старое!..

– Отдавай лису!..

– Серёжка во всём сознался!..

– Эй, эй! Пашка! Я ни в чём не признавался! – крикнул я.

Пашка растерянно смотрел то на меня, то на Ксюшу. Она полезла к нему за пазуху, но не нашла там чёрно-бурую лису. Пашка отпихнул её:

– А ордер у тебя есть на обыск?

– Ишь грамотный! Заставим лису отдать!

– Ну-ка, пустите! С обеда опаздываю! – Пашка вырвался из толпы и побежал на завод.

А наш дворник Хабибулин, всё так же задумчиво поливавший двор, подошёл со шлангом к жильцам и в шутку пригрозил:

– Разойдись!.. Эх, оболую!.. Всё выясним! Разойдись!

Все стали расходиться. Ксюша пошла к своим шубам, пересчитала их и со злостью заколотила по ним выбивалкой.

Из третьего подъезда в красивом халате и с какими-то белыми цилиндриками в волосах выбежала тётенька. Встав посреди двора, она позвала:

– Кис-кис! Кис-кис-кис! Кисанька! Диди!..

Кошка не подбежала к ней. Тогда она, вздохнув, вывесил

ла на доске объявление и убежала в подъезд, извинившись
неизвестно перед кем:

– Ах, простите! Я в неглиже!

Я подошёл к доске и прочитал объявление:

Б Е З О Б Р А З И Е!

Исчезла моя любимая кошка.

Нашедшего умоляю вернуть.

Вознаграждение по соглашению.

Кв. 44.

12

Настроение заниматься пропало у меня из-за Гарика с клубникой и чёрно-бурой лисы. Чтобы забыться, я подошёл к Петру Ильичу, который всё ещё разгадывал кроссворд, и спросил:

– Пётр Ильич! Что такое «неглиже»?

Я всегда расспрашивал его про незнакомые слова.

Но Пётр Ильич сам на этот раз спросил у меня:

– Река на Урале... пять букв... последняя «я»?

– Белая! – выпалил я неожиданно для себя.

– Прекрасно! – обрадовался Пётр Ильич. – Географию ты знаешь. А зоологию? – он хитро посмотрел на меня. – Хищник из четырёх букв. Вторая «и».

– Тигр! – сказал я.

– Нет! Лиса! – засмеялся Пётр Ильич. – Чёрно-бурая, разумеется.

– Неужели и вы думаете?! – я почувствовал, что краснею.

– Ни капельки! Но не могла же, сам понимаешь, чёрно-бурая лиса воскреснуть на верёвке и убежать в лес, – сказал Пётр Ильич.

Возразить мне ему было нечего. Рядом с нами две молодые женщины вешали на колёса детских колясок цепочки с замками и подозрительно поглядывали на меня. И я, застеснявшись, как будто и на самом деле украл лису, поплёлся

ДОМОЙ.

Дома я включил приёмник и поймал серьёзную музыку. Играла скрипка. Ей подыгрывал оркестр, и мне стало ещё тяжелее от тихого и грустного мотива. Оркестр как будто делал строгий выговор скрипке, а скрипка жалобно оправдывалась.

Потом я стал крутить ручку настройки и неожиданно поймал густой бас диктора. Я хлопнул себя по лбу и не поверил ушам своим... Вот он, выход из положения! Диктор медленно диктовал газетные сообщения.

Я, не теряя ни минуты, взял тетрадку, самописку и стал писать под его диктовку. Он диктовал ещё медленнее, чем Анна Павловна, а потом проверял по буквам слова, и я их проверял:

«...Интенсификация. Точка. Повторяю по буквам: Иван. Наталья. Тихон. Елена. Нина. Соня. Иван. Фёдор. Иван. Карп. Аркадий. Циля. Иван. Ян... Точка».

Это было интересно. А главное, сам диктант мне нравился. Про остров Крит, про запуск нового спутника, про предвыборную лихорадку в Америке, про подготовку к уборке хлеба и к Олимпийским играм.

Но чтобы не получилось так, как будто я списываю каждую букву, я приглушал приёмник, когда диктор совсем медленно по буквам повторял слова.

Увлёкшись, я даже не заметил, сколько времени прошло с начала диктовки. Когда диктор сказал: «...Вёл передачу Са-вицкий», – у меня уже было написано почти четыре странички.

Я выключил приёмник, проверил диктант (в нём оказалось всего шесть ошибок!), на радостях подбежал к окну и закричал: «Ура! Ура!..», – но тут же спрятался за занавеску и прикрыл рот ладонью.

Во дворе стояли участковый, Ксюша и Пашка. Ксюша размахивала руками и показывала на моё окно. Участковый спросил Пашку:

– Значит, это совпадение? Ты шёл на обед, а Царапкин отвлекал пострадавшую?

– Не ловите на удочку!.. Не ловите... Я ничего не знаю! – сказал Пашка. – Теперь весь век подозревать будете?

Он вытирал руки белой ветошью, как настоящий рабочий человек.

– Мы не подозреваем, а выясняем! – заметил участковый с угрозой.

– Ну и выясняйте!.. И судите!.. И делайте, что хотите! – не выдержал Пашка и зашагал от них прочь.

– Вернись, Зыков! – приказал участковый.

– Вызывайте повесткой! – огрызнулся Пашка.

– Хо-ро-шо, Зыков! Пишите заявление, – сказал участковый Ксюше.

– Не умею... Сроду не писала... – всхлипнула Ксюша.

Я разозлился, что она на всех наговаривает, и крикнул из окна:

– Ксю-ша! Я подикту-ую!

В этот момент во дворе показалась мама, возвращающаяся с работы. Ксюша, конечно, сразу подбежала к ней. Оправдываться из окна мне не хотелось.

Вместо этого я быстро вынес грязную посуду на кухню, разложил на столе диктант так, чтобы он бросился маме в глаза, затолкал под диван карандашные очистки, потом полез в карман за платком и... наткнулся рукой на клубничину. Я хотел бросить её в окно, но промахнулся и попал в стену. Клубничина прилипла к обоям. На них расплылось ярко-красное пятно, и я чуть не взвыл от бешенства: «Что за день?! Лисица!.. Клубника!.. Теперь ещё это пятно! Как ягода попала в карман?..»

Я линейкой соскрёб клубничину с обоев и только успел выбросить её, как пришла мама. Я попытался улыбнуться.

Мама смерила меня с головы до ног страшным взглядом, тут же стала рыться в ящиках письменного стола и что-то искать под диваном и ванной. Ничего не найдя, она сказала:

– О карандашных очистках поговорим потом. Где лиса?.. Говори по-хорошему. Лучше признайся. Мама всё сделает, чтобы тебя простили.

«Ах, так?» Я закусил губу, решив от обиды вообще не говорить ни слова.

– Ты отвлекал Ксюшу? Ты действовал под его диктовку? Я молчал.

– Весь в отца! Отвечай! Я приму крайние меры.

Я молчал. Тогда мама схватила ремень, на котором отец

правил бритву, и бросилась ко мне. Я бегал вокруг стола, а она за мной, пока не заметила клубничное пятно на обоях.

– Это ещё что? – она потрогала пятно. – Клубника? Ты ел её? Ты мыл её?

– Не мыл, но и не ел... – наконец сказал я правду.

– За что? За что такое наказание? Почему ты не девочка?.. – прошептала мама. Руки у неё опустились.

Она достала из аптечки какие-то таблетки и заставила меня выпить их, хотя я клялся, что не съел даже полклубничны.

– Ко всем делам не хватало мне ещё твоей дизентерии... И если бы не переэкзаменовка, я бы и не вздумала лечить такого человека. Ведь везде висят плакаты: «Не позволяйте детям есть невымытые фрукты!» А пятно я заставлю смыть! – сказала мама.

Я подошёл к пятну и стал его стирать. Оно расплылось ещё больше. Мама этого не видела. Заметив на столе диктант, она начала его проверять.

– Удивительно... Вернее, подозрительно мало ошибок... Кто тебе диктовал?

– Так... один мужчина...

– Из нашего двора?

– Нет... незнакомый мужчина... – сказать правду я побоялся. Вдруг мама запретила бы мне писать под диктовку диктора!

– Послушай! – мама присела от удивления. – Может,

ты действительно ненормален? Ты пускаешь с улицы в дом незнакомых людей, и они диктуют тебе всё, что им взбрѣдет в голову. Не он ли украл чернобурку?

Я снова упрямо замолчал.

Тут пришѣл с работы отец.

– Ты слышал? – осторожно спросила мама.

– Я сегодня не успел пообедать. Был в завкоме. Так что не мешало бы...

Отец пошѣл умываться, а мама взялась за своё, но уже на кухне, готовя обед.

– Нет дыма без огня! Чует моѣ сердце!..

– А редиску лучше натереть, и с постным маслом... – откликнулся отец из ванной.

– Если бы ты знал, как мне хочется верить, что Серѣжа здесь ни при чём...

– Кажется, ты обещала окрошку? Ох, хорошо!.. Уф!.. – отфыркивался отец.

И я, как никогда, был благодарен ему за то, что он ни капельки не подозревает меня в этой чернобурке.

– А если при чём, тогда выпори его ты, отец. Выпори, как пороли в старину, – попросила мама.

– Попробуй сама. Ты ведь когда-то диски метала. Силы хватит, – посоветовал отец. – И отстань от Пашки!

– Я уже хотела, но он бегаёт вокруг стола и молчит...

– Вот мы наконец и пообедаем! – сказал отец, выйдя из ванной и потирая от удовольствия руки.

Мама принесла окрошку. Мы усадились за стол, но, перед тем как начать есть, отец спросил у меня:

– Честное слово?

Я только честно взглянул ему в глаза.

– Ни честному, ни одному его слову не верю! – всё же заявила мама. – Видишь, он молчит!

– Всё! Я хочу есть! – повысил голос мой отец. – Имеет право глава семьи пообедать в дружественной обстановке после работы?

– Я же не могу спокойно реагировать, когда его подозревают, – не унималась мама. – У тебя аппетит, а тут кусок не лезет в горло...

– Мамуля! Ну хватит тебе! Ну почему не лезет? – пожалел я её. – Неужели ты хоть на каплю не веришь, что я на это неспособен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.